

Глава 13. Погоня за собакой

Накануне свадьбы Ван Синьлэя, Ван Чи, как и раньше, пришёл помочь ему с подготовкой.

Сяо Чэньюй остался дома. Жара стояла невыносимая, а таскать столы и протирать скамейки ему казалось до зевоты скучным. Он предпочёл поиграть с Юаньбао.

Когда Ван Чи пришёл к дому двоюродного брата, там уже собрались родственники. Некоторые приехали из соседних деревень, чтобы поучаствовать в хлопотах и просто посмотреть, что происходит.

А с приезжими, как водится, пришли и свежие новости.

Говорили, что в окрестностях снова объявились похитители собак — те самые, что два года назад уже наведывались сюда. Ездят они на чёрном фургоне с тонированными стёклами, включают громкую рекламу через громкоговоритель, чтобы замаскировать шум и не вызвать подозрений.

В деревне Ван Чи в прошлом году тоже пропадали собаки, поэтому, услышав эту новость, все сразу насторожились.

Так как лавка Ван Синьлэя стояла у самого въезда в деревню, они решили действовать скоординированно: если кто заметит подозрительный фургон, дождаться, пока тот заедет в деревню, а потом на выезде рассыпать гвозди и одновременно вызвать полицию — чтобы воры не смогли улизнуть.

К вечеру этот фургон действительно показался на дороге.

Стоило ему въехать в деревню, как люди, заранее приготовившие гвозди, быстро рассыпали их по дороге. Один человек остался у обочины, чтобы предупреждать случайных проезжих, остальные затаились по сторонам, готовые к захвату.

Через несколько минут фургон вновь появился в поле зрения. Народ загудел от возбуждения, вполголоса обсуждая происходящее.

— Гляньте, кто-то за машиной едет! — указал один. — Его собаку, что ли, украли? Да на трицикле разве можно догнать фургон? Это же опасно!

Но его слова потонули в общем шуме — шины фургона действительно наехали на гвозди. Машина повело, она закачалась и через несколько секунд остановилась.

Толпа бросилась вперёд и вскоре вытащила из кузова трёх собак.

Одна из них оказалась собакой Шэн Цаня — мальчишка обнял своё возвращённое сокровище и разрыдался навзрыд, так что у всех вокруг защемило сердце.

Люди, кипя от возмущения, чуть не растерзали воров на месте. По стеклу фургона стекали остатки разбитых яиц — кто-то в пылу кинул их в машину.

К счастью, кто-то из благоразумных крикнул:

— Не трогайте их! Полиция едет!

Это спасло деревенских от лишних неприятностей.

Убедившись, что среди спасённых собак нет Юаньбао, Ван Чи немного успокоился. Когда вдалеке уже замелькали мигающие огни патрульной машины, он, не дожидаясь дальнейшего, тихо ушёл домой.

Он ведь ясно говорил Сяо Чэньюю — не оставлять калитку открытой. Значит, Юаньбао должен быть в порядке. Только вот сирена, может быть, напугала их обоих? Надо проверить.

Ван Чи ускорил шаг, но, едва переступив порог, понял — во дворе Юаньбао не было.

Не только Юаньбао не было дома, Сяо Чэньюю тоже исчез. Более того, пропал и его трёхколёсник.

Как так... все разом? Сердце Ван Чи мгновенно подскочило к горлу.

Он обошёл весь двор — ни человека, ни собаки. И вдруг вспомнил, что кто-то из деревенских говорил: видел, как некий трёхколёсник гнался за фургоном. Не раздумывая, Ван Чи развернулся и побежал в ту сторону, куда уехала чёрная машина.

Дорога была пуста и тиха. Только издалека, со стороны лавки, доносился приглушённый шум. Эта непривычная тишина тревожила, она заставила Ван Чи ускорить шаг, а потом перейти на бег.

Он уже не знал, сколько прошёл, когда вдруг услышал знакомый голос:

— Юаньбао, я голодный... Почему Ван Чи всё ещё не нашёл нас?

Ван Чи бросился на звук и увидел в кювете у межи сидящего на земле Сяо Чэньюя, рядом — присевшего на задние лапы Юаньбао, а чуть поодаль — опрокинутый трёхколёсник.

Он сразу кинулся к ним, опустился на колени и крепко прижал Сяо Чэньюя к себе так сильно, что руки его заметно дрожали.

— Ай! — выдохнул тот. — Ты мне дыхание перекрыл!

Потом возмущился:

— Почему ты так долго? Я тебя уже заждался!

Ван Чи наконец ослабил хватку, осмотрел юношу с головы до ног, потом взял на руки Юаньбао и ошупал его. Лишь убедившись, что оба живы и невредимы, спросил:

— Как ты так ехал? Почему перевернулся в кювет?

Сяо Чэньюю, наоборот, выглядел весьма довольным собой:

— Я не перевернулся случайно! Я спас Юаньбао из лап похитителей!

От этих слов сердце Ван Чи вновь болезненно сжалось.

Сяо Чэньюю, весь в пыли и грязи, рассказывал всё с азартом, как победоносный герой.

— Днём я вымыл Юаньбао, — начал он. — Он не захотел, чтобы я сушил его феном, и я вспомнил, как раньше мы кидали ему мяч через забор. Решил, пусть побеждает, сам обсохнет. А потом как раз мимо медленно проехал громкий фургон... и вдруг Юаньбао исчез вместе с ним!

Он моментально всё понял, вскочил на трёхколёсник и кинулся в погоню, прихватив по дороге корзину яиц — кидал их в фургон на ходу.

— Наверное, им надоело, — с гордостью говорил Сяо Чэньюй, — потому что вскоре машина резко остановилась, и они выкинули Юаньбао прямо в окно.

Но он ехал слишком близко, затормозить не успел — только крутанул руль. Трёхколёсник сорвался с дороги, перевернулся, и они вместе с собакой угодили в канаву. При этом он подвернул ногу, потому и сидел теперь на земле, не в силах подняться.

Ван Чи слушал его с противоречивыми чувствами и, сдерживая раздражение, спросил:

— Ты хоть понимаешь, насколько это было опасно? Что, если бы фургон врезался в тебя? Что, если бы трёхколёсник перевернулся и придавил тебя? А если бы...

Сяо Чэньюй моргнул и, будто удивившись, ответил просто:

— Но ведь Юаньбао — твоя собака. Я не мог просто смотреть, как её увозят. Если бы Юаньбао пропал, тебе было бы очень больно. И мне тоже.

Он улыбнулся открыто и по-детски:

— К тому же я знал, что ты обязательно придёшь меня спасать. Правда ведь?

Как тогда, в ту ночь под дождём, когда Ван Чи появился словно из ниоткуда и вытащил его из капкана.

Ван Чи несколько секунд смотрел на это чистое, искреннее лицо, а потом отвёл взгляд.

— Пойдём домой, — тихо сказал он.

Он поднял Сяо Чэньюя с земли, повернулся спиной и присел. Тот, словно это было уже давно заведённым порядком, легко забрался ему на спину и устроил голову на его плече.

По дороге домой Сяо Чэньюй болтал без умолку:

— Я ведь только что выкупал Юаньбао, а он перевернулся в канаве и опять стал грязным. Завтра придётся мыть его снова.

— Хорошо.

— Ещё я слышал полицейские сирены. Вы поймали похитителей собак? Это же здорово!

— Поймали.

— Я проголодался. Вечером хочу твоей тыквенной каши.

— Ладно.

Ван Чи подхватил его повыше, одной рукой поддержал за бедро, другой осторожно провёл вдоль голени до щиколотки, слегка надавил — кости целы, отёка нет. Он немного успокоился, но всё же спросил:

— Болит?

— Немного, — ответил Сяо Чэньюй, обнял его покрепче и вдруг спросил: — Ты ведь переживаешь за меня, да?

В прошлый раз, когда он спросил то же самое, Ван Чи только усмехнулся и сказал, что беспокоится, сможет ли тот вернуть долг за мороженое.

Но на этот раз он ответил просто:

— Да.

Сяо Чэньюй тут же засиял, прижавшись щекой к его шее:

— Брат, я так тебя люблю!

Ван Чи, отвечавший до этого на каждое слово, неожиданно умолк. К счастью, Сяо Чэньюй этого не заметил.

Сегодня он вымотался, гоняясь за собакой, и, поев и помывшись, почти сразу заснул.

Позже Ван Чи тихо вошёл в комнату. Не лёг, как обычно, рядом, а просто сел на край кровати и долго смотрел на спящего юношу.

Сяо Чэньюй спал спокойно, будто ничего не случилось. Его не напугала сегодняшняя опасность.

А вот Ван Чи — был по-настоящему напуган.

Он и представить не мог, что Сяо Чэньюй, не думая о собственной безопасности, ринется вслед за собакой.

Когда он вернулся домой и не нашёл ни его, ни Юаньбао, его мозг будто отключился, в груди похолодело, а по спине мгновенно выступил липкий пот.

А потом, когда всё-таки нашёл — живого, невредимого, сидящего у канавы, — его охватило чувство, похожее на счастье человека, чудом избежавшего беды.

Он вдруг понял: он заботится о Сяо Чэньюе куда сильнее, чем думал.

Его волнует всё — его настроение, безопасность, каждое мелкое движение.

А когда Сяо Чэньюй сказал: «Я знал, что ты обязательно придёшь меня спасать», — в груди у Ван Чи разлилось что-то странное, плотное, щемящее.

Как может существовать такой человек, как Сяо Чэньюй — такой горячий, такой чистый, такой прямой и пылкий в своих чувствах?

Ван Чи никогда не встречал никого похожего.

Он опустил взгляд на спящего рядом парнишку.

Если бы Сяо Чэньюй сейчас проснулся, его глаза, наверняка, снова заиграли бы тем живым светом, от которого Ван Чи не мог отвести взгляда.

Может быть, он бы заговорил... просто, по-своему, спросил бы:

«Почему ты всё время смотришь на меня и молчишь?»

И что тогда ответить?

Понимая, что не должен этого делать, Ван Чи всё же наклонился и легко коснулся губами лба спящего.

А потом, не сумев удержаться, опустился чуть ниже... и оставил ещё один тихий, едва заметный поцелуй в уголке его губ.

<http://bllate.org/book/12345/1101759>